

Локальные особенности эмоциональной географии, их связь с местными хозяйственно-экономическими, политическими или культурно-историческими особенностями должны стать предметом отдельного исследования.

Таким образом, информационный кризис кануна революции, характеризовавшийся огромной ролью слухов, радикализировал общественные настроения, подготовив ментальную почву для революции. В то время как большинство революционных фобий оказывалось безосновательными, страхи сами порождали волну революционного насилия, которая подпитывалась слухами, коренившимися в политической информации, криминальных легендах, архетипах и литературных образах. Не удивительно, что слухи и страхи «медового месяца» 1917 г. воскресли на последующих этапах российской смуты.

Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи)

Валентин Шелохаев

Re-formatting of the partisan structure in Russia in 1917: Results of recent studies and prospectives for the further research

*Valentin Shelokhaev (Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

Глобальные революционные трансформации 1917 г. оказали мощное воздействие на ещё не завершившийся в России процесс формирования многопартийности. Причины позднего возникновения в стране политических партий (по сравнению с развитыми западноевропейскими государствами), а также особенности сложного процесса их формирования и эволюции обстоятельно раскрыты в трудах российских историков¹.

Цель данной статьи — показать состояние современной отечественной историографии российских политических партий на переломном этапе их эволюции — в 1917 г., а также определить исследовательские задачи дальнейшего изучения этой проблемы. Однако перед её детальным освещением представляется важным хотя бы лапидарно напомнить итоговые результаты изучения истории российских политических партий в отечественной и зарубежной историографии предшествующего периода. Прежде всего для них характерно наличие полярных подходов и итоговых оценок исторических судеб партий

© 2017 г. В.В. Шелохаев

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-12025а(ц).

¹ Подробно см.: Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. М., 1996. С. 5—12; *Леонов С.В.* Партийная система России (конец XIX в. — 1917 год) // Вопросы истории. 1999. № 11—12. С. 29—48; *Шелохаев В.В.* Политические партии в свете новых источников // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 97—105.

в России. В принципе это состояние было обусловлено выходом страны после большевистского переворота из уже устоявшейся общеевропейской мировоззренческой ценностной системы и предельно обострившимся идеологическим и политическим противостоянием, затронувшим и научную сферу.

По завершении глубинных социальных и политических трансформаций (революция 1917 г., Гражданская война 1918–1920 гг.) учёные освещали произошедшие в России события с позиций «победителей» или «побеждённых». Так, в советской историографии более 70 лет господствовал первый подход, когда история партий рассматривалась с позиции победившей большевистской партии, адепты и исследователи которой изображали своих поверженных политических противников с долей пренебрежения и даже сарказма. Методологической основой их изысканий служила ленинская классификация российских партий — «помещичьи», «буржуазные», «мелкобуржуазные», «пролетарские». При этом итоговая оценка их политического поведения неизменно сопровождалась эпитетами «реакционные», «контрреволюционные», «соглашательские», «подлинно революционные». Такой подход (несмотря на накопленный исследователями значительный фактографический материал) мало способствовал воссозданию реальной картины генезиса, формирования и эволюции политических партий в России, определению их места и роли в отечественной истории в целом и в период революции 1917 г. в частности.

Та же участь постигла эмигрантских авторов, которые, в свою очередь, не смогли преодолеть «синдрома побеждённых». Что касается зарубежной историографии с её изначальным плюрализмом исследовательских методов, то она (вплоть до 1960-х гг.), с одной стороны, продолжала «подпитываться» идеями русской эмигрантской литературы, а с другой — испытывала негативное воздействие «синдромов» холодной войны. В последующий период ситуация в зарубежной историографии рассматриваемой проблемы стала постепенно меняться, прежде всего благодаря начавшемуся процессу научного диалога с отечественными историками. В результате началась разработка совместного проекта документальной публикации «Меньшевики в 1917 г.», инициированного советскими и американскими исследователями.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. контакты между отечественными и зарубежными учёными участились, периодически в России, Англии, США, Франции и Италии проводились совместные международные конференции. Примером такого сотрудничества стало издание «Критического словаря русской революции. 1914–1921», в подготовке которого участвовали историки многих стран, включая и российских. Этот труд был издан в Англии и США в 1997 г., переиздан в Англии в 2001 г. и на русском языке вышел в России в 2014 г.²

Тем не менее коренной перелом в отечественной и зарубежной историографии названной проблемы, на мой взгляд, наступил в ходе подготовки и издания 57-томного масштабного проекта «Политические партии России.

² В разделе этого словаря «Партии, движения, идеологии» опубликованы статьи У.Г. Розенберга «Конституционно-демократическая партия (кадеты)»; М. Мелансона «Партия социалистов-революционеров (эсеры)» и «Левые социалисты-революционеры. 1917–1918 годы»; З. Галили и А. Ненарокова «Меньшевики в 1917 году: от демократов к государственным деятелям»; Р. Сервиса «Большевистская партия». См.: Критический словарь русской революции. 1914–1921. СПб., 2014. С. 212–263. О состоянии зарубежной, в частности, англоязычной историографии подробно см.: Уэйд Р.А. К столетию революции: тематика и проблематика англоязычной историографии русской революции 1917 г. // Политическая история России XX века: К 85-летию профессора Виталия Ивановича Старцева. Сборник научных трудов. СПб., 2016. С. 274–303.

Документальное наследие» (материалы и документы партийных съездов, конференций, ЦК; вошёл в него и проект «Меньшевики в 1917 г.»). Считаю, что его реализация не только позволила ввести в научный оборот огромный массив источников, но и способствовала в процессе длительных дискуссий выработке общей исследовательской методологии и методики.

Комплексный анализ источников, содержащийся в аналитических предисловиях к данным документальным публикациям³, убедительно показал методологическую неэффективность классового подхода при характеристике мотивации формирования и практической деятельности партий. По сути, они носили внеклассовый, сугубо интеллигентский характер, как и в других европейских странах. В создании партий в России (как и в конструировании моделей её преобразования, и в формировании различных типов политических организаций) была признана особая роль интеллектуального меньшинства, что в силу исторических особенностей страны стало доминирующим фактором. Данная исходная посылка является общепризнанной в современной отечественной и зарубежной историографии.

Характерный для российского интеллектуального меньшинства мировоззренческий «плюрализм» в условиях системного кризиса, переживаемого Российским государством на рубеже двух веков, позволял предложить общественному мнению не только различные модели выхода из данной ситуации, но и определить дальнейшие пути и перспективы развития страны. Разумеется, это не снимало проблему острейшего идеологического противостояния внутри прослойки интеллектуалов, несколько поколений которой начиная с середины XVIII в. вели исключаящую возможность конструктивного диалога яростную полемику о будущем России. Революция 1917 г. лишь предельно обострила конфронтационную ситуацию внутри интеллектуального меньшинства, составившего костяк руководства всех без исключения российских партий.

В соответствии с мировоззренческими представлениями и выстроенными на их основе моделями преобразования страны тем же меньшинством формировалась многослойная конструкция политических партий и организаций. Соответственно их можно подразделить на консервативные, либеральные и социалистические. Изменение исследовательских методологических подходов к их изучению привело к приращению знания о месте и роли партий в истории России.

Анализ состояния современной историографии рассматриваемой темы позволяет верифицировать достигнутые на сегодняшний день результаты. Так, в энциклопедии «Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века» выявлены динамика численности партий (100 — в 1906 г., 280 — в 1917 г.) и изменение числа их членов относительно населения страны (0.5% — в 1906 г., 1.2–1.5% — в 1917 г.). Как видим, революционные трансформации 1917 г. способствовали росту общего числа политических партий — 56 общероссийских и 224 национальных. Последний показатель свидетельствует прежде всего о пробуждении национального сознания входивших в состав Российской империи народов, об активизации действий их интеллектуальных

³ Непосредственно периоду революции 1917 г. посвящены: Меньшевики в 1917 году. В 3 т. М., 1994–1997; Правые партии. Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. М., 1998; Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 3. М., 1998; Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. М., 2000; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. Т. 3. Ч. 1, 2. М., 2000; Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. Т. 1. М., 2000.

меньшинств, отчётливо отразивших общую тенденцию стремления к национальной независимости представляемых ими народов⁴.

Целью издания энциклопедии являлось не только обобщение результатов, достигнутых к тому времени в отечественной и зарубежной историографии темы, но и стимулирование дальнейших изысканий на основе предложенных историками методологии и методики. Думаю, несмотря на определённые «недочёты», во многом типичные для переходного периода в условиях явного финансового дефицита, данный труд внёс вклад в дело утверждения новых подходов к исследованию названной проблемы. Так, методологические подвижки и дальнейшие фактографические наработки отражены в учебнике, специально подготовленном для высших учебных заведений⁵.

Существенный прорыв был сделан в отношении истории российских консервативных партий. Если до 1990-х гг. исследователи главным образом акцентировали внимание на ранних этапах их деятельности, то затем — на периоде Первой мировой войны и начала революции 1917 г. Расширение хронологии позволило не только «вписать» эти партии в общий контекст политической и социальной трансформации России, но и приступить к изучению ряда малоисследованных тем и дискуссионных проблем, которые по разным причинам (прежде всего из-за недоступности архивов) выпадали из поля зрения учёных⁶.

Аналогичная тенденция прослеживается относительно исследования деятельности либеральных и социалистических партий. Предпринятый в последние годы историографический анализ показал: отказавшись от априорных рассуждений по поводу этих партий — о «природной контрреволюционности» (либералы) и «соглашательской сущности» (социалисты-революционеры и меньшевики), — исследователи перешли к осмыслению их реального места и роли в революции 1917 г.⁷ Определённые результаты были достигнуты и в изучении развернувшегося одновременно анархистского движения⁸.

Если обобщить современные историографические наработки отечественных и зарубежных учёных в области исследования состояния российской многопартийности непосредственно в 1917 г., то можно сделать следующие выводы.

⁴ Подробно см.: Политические партии России. Конец XIX... С. 5–12.

⁵ История политических партий России: история и современность. М., 2000.

⁶ Подробно см.: *Колоницкий Б.И.* Правоэкстремистские силы в марте–октябре 1917 г. (на материалах петроградской печати) // Национальная правая прежде и теперь. Ч. 1. СПб., 1992; *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г.: причины кризиса и краха // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 79–94; *Иванов А.А.* В.М. Пуришкевич и Временное правительство: от поддержки к разочарованию // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2011. С. 70–81; *Стогов Д.И.* Дело о «монархическом контрреволюционном заговоре» в контексте июльского политического кризиса 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2012. С. 73–82.

⁷ См.: *Тютюкин С.В.* Современная отечественная историография РСДРП // Отечественная история. 1998. № 6; *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. М., 2002; *Кононенко А.А.* Партия социалистов-революционеров в 1901–1922 гг.: Проблемы историографии. Тюмень, 2004; *Суслов А.Ю.* Социалисты-революционеры в Советской России: Источники и историография. Казань, 2007; *Егоров А.Н.* Российские либералы начала XX в. и власть. Историографические дискуссии. Череповец, 2007; *Ненароков А.П.* Правый меньшевизм: прозрения российской социал-демократии. М., 2012; *Урилов И.Х.* История российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 5. М., 2013; *Макаров Н.В.* Русский либерализм в зеркале англо-американской историографии. М., 2015; *Савельев П.Ю.* Генезис РСДРП: Историография и источники. М., 2016.

⁸ *Ермаков В.Д.* Анархистское движение в России: история и современность. СПб., 1997; *Салон В.П.* Терновый венец свободы. Либертаризм в идеологии и революционной практике российских левых радикалов (1917–1918 гг.). Нижний Новгород, 2008.

Во-первых, революция 1917 г. привела не только к весьма значительному росту политических партий, но и к качественному изменению всей конфигурации российской многопартийности. В результате крушения трёхсотлетней царской монархии в Феврале 1917 г. с политической сцены исчезли консервативные партии и организации как в центре, так и на местах. Значительная часть состоявших в их рядах людей, испытав настоящий шок от внезапного краха самодержавия, не только стремительно покинула ряды своих организаций, но и вообще отказалась от политической деятельности. Безусловно, панический страх мести со стороны либеральных и социалистических партий, пришедших после победы Февральской революции к власти, стимулировал окончательный развал консервативного спектра партий и организаций, ибо их руководство прекрасно понимало, что придётся держать ответ за многолетнее глумление и преследование либералов и социалистов.

Лишь незначительное меньшинство центрального и регионального руководства консервативных партий какое-то время продолжало сохранять робкую надежду на будущее возрождение монархической государственности. Причём некоторые лидеры этих партий, уже не представлявшие своей жизни вне политической борьбы, вынуждены были принять Февральскую революцию и поддержать Временное правительство, рассчитывая на то, что оно остановит развитие революционного процесса и не допустит сползания страны к национальной катастрофе. По сути, Февральская революция сама стала «зарубкой», поставившей точку в истории консервативных партий и организаций. Всех, кто состоял в них, после Октябрьского большевистского переворота подвергли жёстким репрессиям не только политического, но и физического характера. Можно утверждать, что революция стала завершающим этапом в истории консервативных партий, уход которых с политической арены привёл к серьёзной перегруппировке оставшихся там политических партий и организаций. Участие некоторых бывших лидеров консервативных партий в Белом движении определялось уже не партийным, а личным выбором.

Во-вторых, после Февраля 1917 г. наметились существенные изменения в либеральном партийном сегменте. Лидеры правого фланга и «центра» партий октябристов и прогрессистов, организационно распавшихся ещё в годы Первой мировой войны, пытались создать новые партийные структуры (Либерально-республиканская, Национально-республиканская, Национально-демократическая республиканская и Российская радикально-демократическая партии, Партия радикалов социалистов и т.п.), которые «перекрасились» под новую политическую реальность. Вместо прежних умеренных программ и тактик они стали предлагать обществу такие радикальные требования, как, например, введение республиканского правления, федеративного устройства государства, прогрессивного налога и осуществление передела земельной собственности. В области тактики началось «заигрывание» с умеренными социалистами и лидерами некоторых национальных партий.

Однако подобного рода «перекраска» в более яркие цвета в условиях динамического развития революционного процесса и стремительной перегруппировки политических партий (общероссийских и национальных) уже не помогла «соблазнить» демократические элементы, в том числе и массового избирателя, который не забыл сервильного поведения лидеров октябристов и прогрессистов в Государственной думе III и IV созывов. В новой политической реальности они оказались не способными ни создать разветвлённой организационной структуры, ни сформировать эффективно работающий пропагандистский

аппарат. Подобного рода партии — «однодневки» не имели успеха среди демократического избирателя, следовательно, не играли какой-либо активной политической роли. Можно утверждать, что по мере обострения ситуации в стране правый фланг и «центр» русского либерализма вслед за консерваторами сошёл с политической арены.

Там, по сути, осталась одна эффективно действующая либеральная политическая партия — Конституционно-демократическая. Ей удалось не только сохранить единство своих рядов, но и пополнить их за счёт перебежчиков — консерваторов, правых либералов и «центристов», а также небольшой части правых и умеренных социалистов. Феномен «мартовских кадетов» ярко свидетельствовал о том, что к правящей либеральной партии готовы были примкнуть элементы, ранее не разделявшие её мировоззренческую позицию, программу преобразования страны и тактического курса.

После Февральской революции Конституционно-демократическая партия не только восстановила общее число своих организаций, возникших в 1906 г., но даже несколько их увеличила (с 360 в 1906 г. до 380 в марте—апреле 1917 г.). Принципиально новым явлением стала её активизация в армии и на флоте (было создано примерно 600 ячеек), что свидетельствовало о пересмотре кадетским руководством своего отношения к агитационно-пропагандистской работе среди солдат и матросов. До Февраля кадеты выступали категорически против вовлечения в политическую борьбу вооружённых сил, но затем, осознав прежнюю ошибку, намеревались подчинить своему политическому влиянию определённую часть армии (прежде всего офицерский корпус). Однако в этом кадетское руководство явно опоздало. Его попытки блокировали представители социалистических партий, уже давно и успешно работавшие в армии и на флоте. Прокадетски настроенному «Союзу офицеров армии и флота» пришлось ограничить деятельность офицерской средой, в результате стремительный процесс демократизации в армии, начавшийся после принятия мартовского Приказа № 1 Совета рабочих и солдатских депутатов, заблокировать не удалось.

После Февральской революции численность кадетской партии возросла примерно вдвое (до 100—120 тыс.) по сравнению с периодом Первой российской революции. В распоряжении кадетов имелись весьма значительные финансовые ресурсы, агитационно-пропагандистские механизмы и инструменты влияния на массовое сознание (разветвлённая центральная и региональная пресса, партийные клубы, общественные организации).

Перестройка кадетской партии (идеологическая, программная и организационная) позволила её лидерам играть важную роль в деятельности всех составов Временного правительства, других государственных и общественных структур. Члены главной либеральной партии России в 1917 г. делали всё возможное для предотвращения дальнейшего развития революции, но остановить сползание страны к национальной катастрофе не смогли. Большевицкий переворот продемонстрировал глубинные причины слабости русского либерализма⁹. Не укоренившись на российской почве в лице партии кадетов, он оказался один на один с мощным сегментом общероссийских социалистических и национальных партий.

В-третьих, Февральская революция и последующий ход событий в России обусловили значительные структурные изменения во всём спектре

⁹ Подробно см.: Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015.

социалистических партий и организаций. С одной стороны, начался стремительный рост их рядов, в частности, за счёт представителей различных демократических социальных страт, в той или иной степени разделявших идеологию, программу и тактический курс этих партий. Например, численность Партии социалистов-революционеров по сравнению с периодом 1906 г. возросла более чем в 10 раз, составив 0,8–1 млн человек. Примерно то же наблюдалось в Российской социал-демократической рабочей партии. В частности, к октябрю 1917 г. численность большевиков и меньшевиков была примерно равной и суммарно составляла около 700 тыс. человек.

С другой стороны, благодаря революции произошло резкое разделение внутри социалистического блока — на умеренные и радикальные элементы. Первые, придерживаясь концепции поэтапного развития революционного процесса в России, считали возможным действовать совместно с либеральными партиями, прежде всего с кадетами. Умеренные социалисты оказали поддержку первому составу Временного правительства, затем активно работали в трёх его коалиционных составах. Выступая за единовластие этого правительства, они рассматривали Советы в качестве одного из мощных рычагов воздействия на его курс, который должен был отражать и учитывать чаяния и настроения большинства народа.

Иной позиции придерживались представители радикального крыла социалистических партий (большевики, левые эсеры-социалисты, меньшевики-интернационалисты, анархисты), ратовавшие за дальнейшее «подталкивание» революционного процесса влево и перевод политической революции в качественно новую социальную фазу. Радикалы видели в Советах властные органы, призванные не только постоянно «давить» на Временное правительство, но планировать и осуществлять действия, направленные на кардинальное преобразование страны. После июльских событий 1917 г. такая позиция радикального крыла социалистических партий стала определяющей, способствовала их консолидации вокруг большевистских лозунгов. Эта тенденция ещё больше усилилась после корниловского мятежа, в подавлении которого участвовали практически все социалистические партии.

Вместе с тем в современной отечественной историографии основательно выявлены и изучены причины (идеологического, политического и организационного характера), лежавшие в основе традиционного противостояния между социалистическими партиями (и внутри них). Развитие революционного процесса в 1917 г. ещё более обострило эти противоречия, что привело к окончательному расколу внутри партий социалистов-революционеров и социал-демократов, постепенному превращению их из потенциальных союзников в непримиримых политических противников. Более того, после Октябрьского переворота большевики, узурпировав власть, стали применять меры не только подавления любых форм инакомыслия (заккрытие органов печати эсеров, меньшевиков, а также консервативного и либерального направлений), но и насильственного воздействия (аресты и расстрелы).

В-четвёртых, после Февральской революции ускорился процесс формирования национальных партий и организаций на фоне сокращения числа общероссийских (с политической арены ушли консервативные партии, значительная часть праволиберальных). Причём заметно больше стало партий социалистической и демократической направленности, активнее зазвучали откровенные националистические лозунги, в частности выхода из состава послереволюционной России. Временному правительству пришлось столкнуться с требованиями политической независимости, выдвигавшимися не только

либеральными и социалистическими партиями Польши и Финляндии, но и украинскими, литовскими, эстонскими, армянскими, грузинскими, мусульманскими сепаратистами. Обострение национального вопроса в стране стало одним из факторов, приведших к конфликтам внутри центрального руководства общероссийских партий.

В-пятых, революция «потребовала» от политических партий пересмотреть их программные и тактические установки, быстро перегруппировать силы в либеральном и социалистическом спектрах. Что касается либералов (прежде всего кадетов) и умеренных социалистов, пытавшихся наладить сотрудничество в рамках коалиционного Временного правительства, то они постепенно утрачивали влияние на демократический электорат, который после апрельских и особенно июльских событий 1917 г. начал склоняться к поддержке радикальных лозунгов большевиков, меньшевиков-интернационалистов, левых эсеров и анархистов. Октябрьский переворот, как показано в современной историографии, являлся делом «совместного творчества» леворадикальных партий, а не только одних большевиков.

Таким образом, революционный процесс 1917 г. стал своеобразным итоговым экзаменом для российской многопартийности, выявил степень влияния каждой из политических партий и организаций на массовое движение и общественное сознание. Консервативные и либеральные партии этого экзамена не выдержали. Традиционное сознание, характерное для народных масс, воспринимало их в роли защитников узкоклассовых интересов помещиков и капиталистов. Даже самая либеральная партия — Конституционно-демократическая — в массовом сознании закрепились как «буржуазная», а после корниловского мятежа кадетов стали презрительно называть «корниловцами». Революция 1917 г. показала, что ни консерватизм, ни либерализм (как идеология и политическая практика) не смогли «укорениться» на российской почве, стать структурной компонентой менталитета большинства народа.

В ментальности масс превалировал традиционный лозунг «Земля и Воля», к которому во время Первой мировой войны был добавлен новый — «Мир без аннексий и контрибуций». Те политические партии, которые безоговорочно поддерживали эти лозунги и настаивали на коренном переустройстве всей системы отношений (включая отмену частной собственности), получили массовую поддержку и в конечном счёте одержали победу.

Революция 1917 г. выявила глубинные расхождения не только между консервативными, либеральными и социалистическими партиями, но и внутри каждого из этих направлений. Наиболее трагически складывались взаимоотношения в блоке социалистических партий, на протяжении многих лет боровшихся с самодержавным режимом. После победы Февральской революции бывшие союзники по борьбе с самодержавием стали непримиримыми политическими противниками, были готовы пойти на крайние меры для уничтожения конкурентов. Именно конфликт между умеренными социалистическими партиями и большевиками привёл к Гражданской войне, ставшей подлинной трагедией для всех народов многонациональной страны.

В целом же революция показала неустойчивость и хрупкость российской многопартийности. За короткий срок существования политические партии так и не смогли «укорениться» в России. По сути, они являли собой идеологические конструкторы, выработанные разными слоями российской интеллектуальной элиты и не нашедшие свою «социальную полочку». На победу могли претендовать лишь партии, делавшие ставку на традиционное массовое сознание

и стихийное массовое движение. Собственно парламентские партии (консервативные, либеральные, умеренные социалистические) в их число не входили и в условиях революционного переворота вынуждены были постепенно сойти с политической сцены.

При подведении историографических итогов изучения российской многопартийности в 1917 г. можно наметить его возможные перспективы. Они связаны, на мой взгляд, прежде всего с выявлением новых источников. Исследователям предстоит большая поисковая работа по введению в научный оборот материалов и документов, в первую очередь региональных архивов и местной периодической печати соответствующих партий и организаций. Считаю, эти изыскания должны оправдать себя, что в итоге позволит дать комплексный анализ проблемы многопартийности как целого. Ещё более масштабная работа предстоит при дальнейшей разработке проблем, связанных с национальными политическими партиями. И дело не в преодолении языковых трудностей, а в разной идеологической оценке содержания архивных источников.

Последняя международная научная конференция по истории национальных политических партий и организаций России состоялась в Москве в мае 1996 г.¹⁰ К сожалению, судя по современным исследованиям в этой сфере, опубликованным в бывших союзных республиках СССР, усилилась тенденция к противопоставлению национальных партийных структур общероссийским. Не случайно в «Критическом словаре русской революции...» нет статьи, посвящённой истории национальных партий в России. Думаю, немало времени потребуется на обретение «общего языка» между исследователями, чтобы выработать единые методические и методологические принципы, на основе которых начнётся работа по созданию подлинной истории национальных партий в Российской империи и первом десятилетии существования советской власти.

Другим важным источником продолжает оставаться партийная периодическая печать — центральная практически полностью введена в научный оборот, чего нельзя сказать о региональной, особенно на национальных языках, хотя в этом отношении в бывших советских союзных республиках за последние годы уже сделано немало.

В процессе «заполнения» исследовательских лакун в истории российской многопартийности было бы актуально проследить прямые и обратные связи между центральными и региональными партийными структурами соответствующих идеологических направлений (консервативного, либерального, социалистического), включая, разумеется, и национальные партии и организации. Это позволило бы всесторонне раскрыть процессы принятия партийных решений на всех уровнях, проследить их мотивацию и аргументацию с учётом массовых настроений и общественного мнения и в результате выявить связи региональных партий и организаций с соответствующими электоральными слоями, на которые предполагалось сделать ставку при разработке общих программных и тактических задач. Важно ввести в научный оборот данные о выборах в органы власти общероссийского уровня, особенно — муниципального.

Исследование источников, хранящихся в региональных архивах, и периодической печати позволило бы значительно расширить представление о численности, социальном составе местных партийных организаций

¹⁰ См.: История национальных политических партий России. Материалы международной научной конференции. Москва, 21–22 мая 1996 г. М., 1997.

и сформировать необходимую фактографическую основу для статистических и социологических обобщений. К сожалению, работа в этом направлении — к ней приступили в начале 1980-х гг. — до сих пор не завершена. Количественные методы, используемые при изучении рассматриваемой темы, на мой взгляд, вполне могут быть применены к 1917–1920 гг.¹¹ В результате был бы создан единый банк данных о политических партиях России.

В более углублённой разработке по-прежнему нуждается проблема взаимоотношений между партиями различных идеологических направлений и внутри них. Что касается сравнительного анализа общих моделей общественного развития, предложенных консерваторами, либералами и социалистами, то его уже провели¹². Аналогичную работу следовало бы сделать и в отношении национальных партий.

Вместе с тем почти не изучена сфера восприятия этих общественных моделей различными социальными стратами. Причём следует учитывать, что в революционные эпохи эффективность деятельности той или иной партии зависела от оперативности корректировки её программы и тактики с учётом изменения общественного мнения и настроения большинства народа. Опыт революции 1917 г. убедительно показал, что политические партии, вносящие такие корректировки в программы и тактики, на какое-то время продлевали своё политическое бытие и даже одерживали временные победы.

Актуальными продолжают оставаться следующие проблемы: принятие партийными лидерами политических решений; их соотнесение с мировоззренческими и идеологическими установками; выработка оптимальных форм взаимоотношений между центральными и региональными комитетами, между последними и массовыми движениями, а также между блоками политических партий и организаций («по горизонтали» и «вертикали») и внутри каждого из них. Перспективной представляется и проблема морально-нравственной ответственности лидеров, рядовых членов партий и организаций за выбор средств и форм борьбы за политическую власть. Считаю, разработка этой темы особенно необходима и в научных, и в воспитательных целях с учётом опыта партийной борьбы в России в период революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны.

Несмотря на вполне определённые достижения последних лет в деле изучения взаимоотношений политических партий с Временным правительством, Советами, общественными организациями разных уровней и направлений, данная проблема, на мой взгляд, нуждается в дальнейшей разработке. Важно выявить механизмы и степень влияния политических партий на разработку программ и тактики действий на разных этапах революционного процесса 1917 г., а также реакцию соответствующих секторов электората.

В заключение отмечу: вопреки возникшим за последние десятилетия всевозможным трудностям при изучении истории российских политических партий в условиях революции 1917 г., исследователи достигли вполне определённых результатов, однако логика развития науки настоятельно требует от них продолжения начатого дела.

¹¹ См.: Политические партии в первой революции 1905–1907 гг.: Количественный анализ. М., 1987; Киселёв И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В. Политические партии в России в 1905–1907 гг.: численность, состав, размещение // История СССР. 1990. № 4; Постников Н.Д. Территориальное размещение и численность политических партий России (1907 – февраль 1917). М., 2013.

¹² См.: Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004.